

ГЛАВА 1

Ну вот и они. Деловито так, по-хозяйски вышли толпой на прогалину перед заимкой, топчя тяжелыми сапогами траву-мураву. Уверенные в своей силе и моей слабости.

Один с обрезом, другой с револьвером наперевес. А третий аж с топориком. По виду — каноническая лесная банда. Хоть в синематографе снимай. И такие они чистенькие, аккуратненькие, форсистые, что непозволительно для подобных лесных чудищ.

— Э, красноперый, — поправив сползшую на нос кепку, заорал один из лиходеев в потертой черной кожаной куртке и штанах-галифе — и не жарко ему. — Не кипишуй! Поговорить надо!

Тут я ему верил. Убивать меня они не собирались. Во всяком случае, сразу. Им на самом деле нужен был разговор. Возможно, с пристрастием. Убивать же будут потом. Предварительно развязав мне, «красноперому», язык.

Я нарочито неторопливо спустился по скрипучим ступенькам — было их всего две. И теперь внимательно смотрел на приближающихся

бандитов. Однако не мог узреть среди них главного — атамана Шустова.

Эх, сердце. Что ж ты так барабанишь отчаянно, будто решило вырваться из груди и расстаться со своим беспокойным и рискованным хозяином? Это к хорошей драке. Есть такая старая народная примета — чем сильнее сердце барабанит, тем славнее бой.

— Ручки-то подними, — взмахнул «наганом» «кожаный», похоже, бывший в этой артели за старшего.

Не нравились ему мои ручки. Особенно то, что они за спиной. И поделом не нравились.

Поднимать я руки вверх, конечно, не стал, а просто резко махнул правой. И в сторону бандитов полетела только что принятая на вооружение РККА граната «Ф-1» с запалом Ковешникова. Получите и распишитесь!

А сам бросился обратно в бревенчатый, вросший в землю, мшистый сруб. Упал на пол. Оборонительная граната — вещь страшная. Сечет все вокруг, как коса, радиус разлета под двести метров. Самому бы не попасть под осколки.

Грохнуло. По бревнам забарабанили осколки. Снаружи слышались крики боли и отборные, даже мастерские, матюги.

Да, ребята. Это вам я нужен живым. А вы мне не особенно.

Потом загрохотали выстрелы. Завертелся бой. И осталось у меня на этом распутье две дороги —

победить или героически пасть. В плен я сдаваться не собирался ни при каком раскладе...

Но обо всем по порядку. Эта история началась в июне 1928 года в чрезмерно комфортабельном купе мягкого вагона, когда, как писал великий русский поэт и мой тезка в плане имени-отчества Александр Сергеевич Пушкин, я приближался к месту моего назначения...

ГЛАВА 2

— И что, Париж так великолепен, как описывают классики? — с интересом спрашивал я.

— Бульвары. Мулен Руж. Синематограф братьев Люмьер. Дамы в бриллиантах и изумрудных колье. Шикарные магазины... Нет ничего этого. — Мой собеседник отхлебнул чая из стакана, втиснутого в массивный подстаканник с надписью «Пейте на здоровье» — такие уже несколько лет производятся специально для железной дороги.

— А куда все делось? — удивился я, откидываясь на плюшевую спинку в купе стучащего колесами на жестких стыках мягкого вагона.

Мой попутчик загадочно улыбнулся. Отставил чай и потянулся за массивным серебряным портсигаром, тяжелым, с вензелями. Вообще, у этого человека все было по высшему разряду — дорогой костюм, тяжелая трость, галстук. И сам статный, худощавый, с тонкими чертами лица

и тронутыми сединой волосами, уже в почтенном возрасте — лет за сорок. Глаза его были насмешливые и внимательные. Да, сразу видно, что передо мной не простой воробей, а птица высокого полета. При этом он сразу вызывал симпатию.

— Всего этого нет для людей, не имеющих состояния и не принадлежащих к высшему словию. — Он вытащил сигарету из портсигара, помял ее и засунул обратно. — Для большинства жителей Париж — это не искрометный Монмартр с его кабаре и художниками, а тяжелая работа на буржуйского дядю без какого-либо шанса выбраться из заколдованного круга безысходности. Понимаете, Александр, у нас как-то затерлись эти штампы — буржуй на мешке золота и истощенный рабочий. Воспринимаем это с долей иронии. Но я как человек, объехавший всю Европу, утверждаю — а ведь так и есть. Трудящийся человек что в Париже, что в Бомбее — это раб капитала. Он безнадежно и тяжело трудится на паразита, который всю жизнь будет высасывать его соки.

— Поэтому буржуазный мир и обречен, — кивнул я.

— О, он еще поборется. Мировая революция, уверяю вас, дело не скорое. Тем более буржуй сейчас начинает заискивать с трудящимися, бросая им кости с барского стола.

— Не поможет.

— А вот это вопрос, — протянул собеседник. — Нельзя недооценивать паразитов. И привлекательности их образа жизни.

С попутчиком мне повезло. Это был просто кладезь всякой любопытной информации. И я как репей прилепился к нему с расспросами, порой назойливыми. Он в этот миг будто стал проводником в какие-то иные миры. За свою долгую жизнь этот человек побывал во многих городах и странах, в основном до революции. А меня волшебный аромат дальних стран пьянил всегда. Казалось, там, за горизонтом, настоящая сказка. Это иллюзия, конечно, там такие же люди, и у них свои проблемы. Но все равно поделаться я с собой ничего не мог — пьянило меня очарование дальних дорог, новых знаний, иных реалий. Поэтому слушал я его разинув рот.

— Коньячку? — спросил попутчик, вытаскивая из объемистого саквояжа, предназначенного для дальних путешествий, серебряную фляжку с тонким узором и два серебряных наперстка.

— Не пью, — развел я руками. — Мы больше по атлетике. А она со спиртным плохо сочетается.

— А я сделаю глоток. — Он глотнул прямо из фляжки и убрал ее в саквояж. — Коньяк не просто алкогольный напиток. Сегодня он символ того, что ты что-то значишь.

Попутчик был горным инженером, звали его Сигизмунд Яковлевич. И направлялся он с предписанием от «Союзугля» в шахтоуправление Уг-

леградска, где его ждала важная должность. Хороший инженер — это птица редкая и дорогая в плане пропитания. Стране нужны хорошие специалисты. И страна не жалела средств на их зарплату и обустройство. Поэтому он имел полное право на трость с серебряным набалдашником, тяжелый портсигар и костюм от лучших портных.

В общем, была при общении с моим спутником доля даже зависти и восхищения с моей стороны. Умеют же люди жить. Умен, образован. Красивые и дорогие вещи, к которым лично я испытывал достаточно позорную для истинного коммуниста тягу, но поделаться с собой ничего не мог.

Меня попутчик раскусил быстро. Хотя для этого много ума не требовалось. Посмотрев на мою гимнастерку без знаков различия, перепоясанную потертым кожаным ремнем, осведомился:

— А вы из служивых будете, милостивый государь?

— Ну не совсем. Я больше по чиновничьей стезе, — невольно переходя на высокий стиль, ответил я.

— А, понятно. ОГПУ, — кивнул попутчик.

Я только неопределенно пожал плечами. Распространяться о своей ипостаси я не собирался. С другой стороны, шила в мешке не утаишь. Я же не какой-то там секретный сотрудник, а вполне официальное и доступное людям лицо. Тем более с инженером мне непременно придется общаться, как и со всеми значимыми фигурами го-

рода — работа такая, всех должен знать и держать руку на пульсе. Так что это дорожное знакомство мне еще пригодится.

— Первое назначение, — с пониманием произнес он.

И тут почти в точку. Сам знаю, что нет во мне солидности, зато излучаю юношеский восторг перед миром, что не свойственно сотрудникам нашей организации, проработавшим в ней даже недолгое время.

— Не совсем. — Я невольно покосился на шрам, проходящий через запястье к ладони — память о недавней стажировке. И попутчик с пониманием кивнул.

Да, лихая у меня стажировка вышла. Был приказ стрельбы не открывать, потому что агрессивная толпа, скупившаяся около здания райкома и готовившаяся на штурм, была из обычных, одурманенных вражеской пропагандой трудящихся. Ну как стрелять по трудящемуся человеку? Только уговаривать и распропагандировать. А затем выявлять зачинщиков, и с теми уже по всей строгости. Только толпа мало походила на одурманенных пролетариев. Это был сброд, жаждавший погромов и крови. А войска запаздывали. И противостоять всему приходилось нескольким сотрудникам ОГПУ и милиционерам, выглядевшим достаточно хлипко на фоне агрессивного сборища. И у меня аж спина чесалась в предчувствии провокации.

Так и произошло. Откуда-то грянул выстрел. Толпа рванула вперед. И тут же мне пропороли чем-то острым левую руку. Я успел в ответ двинуть кулаком в нападавшего, так что только зубы посыпались. А потом смутно помню последовавшие события. Махал кулаками, отбивался и понимал — сейчас сомнут. Потянулся все же к револьверу, наплевав на строгие указания.

Но на указания не один я плюнул. Загрохотала длинная оглушительная очередь. Как потом я узнал — находившийся в осаде вместе с верными партийцами секретарь райкома, обустроив точку на втором этаже, выкатил каким-то образом завалявшийся там с давних времен пулемет «максим» да и ювелирно срезал из него пару человек с оружием. А затем дал длинную очередь по верху голов. И спас нас.

Отбились. Бурление в районе длилось еще долго. Вообще год был беспокойный. Менялась страна. Вылезли все старые враги, подбивали не слишком довольный коллективизацией и новшествами народ на бузу. И кому с этим разбираться? Ну конечно, нам, ОГПУ...

Поезд продолжал тащиться страшно медленно — казалось, пешком быстрее дойдешь. Уходил он из облцентра в три часа ночи, а в Угледградск умудрялся дотрюхать аж ближе к следующему вечеру. Мы простаивали на каждом полустанке, где неторопливо выгружались почта и какие-то тюки. А потом так же неспешно плелись

дальше, встречая и пропуская гремящие тяжелые составы с углем.

Но дорога под разговоры была куда веселее. Инженер рассказывал про свою работу. Про Берлин, где он учился ещё до Первой мировой войны. Про Европу. И про поэзию геологии, которая оказалась не наукой о камнях, а наукой о нашей планете.

Мне страшно импонировала его немножко старорежимная манера разговора. Притом гораздо больше, чем развязно-панибратский и хамоватый стиль большинства наших товарищей, подчеркивающих, что они люди простые, из народа. Почему из народа нужно тащить грубые манеры, я не понимал. Моя беда в том, что отец заботился о воспитании единственного сына. Давно это было. Тогда, когда у меня еще была семья. И был я то ли обычным сорванцом, ввязывающимся в отчаянные драки с нашим врагами из селян, то ли начитанным барчуком, сыном самого образованного в городке человека — учителя.

От этих воспоминаний мне как-то взгрустнулось. И собеседник тоже замолчал, думая о чем-то своем. Наконец, он сказал:

— Подъезжаем!

Показался Углеградск с куполами церквей, двухэтажными домишками. А вот и здание вокзала, приземистое, длинное, выкрашенное в какой-то грязно-желтый цвет, с башенками и архитектурными излишествами.

— Конечная! Собираемся! Выходим! Не забываем багаж! — кричал проводник отчаянно, будто поднимая людей в атаку.

Конечная. Притом не для этого поезда, а просто конечная — железная дорога тут обрывалась, шпалы кончились, рельсов нет. А дальше шли глухие сельские районы и обширнейшие, непролазные леса и болота. Вокруг же города работали угольные шахты.

Какая-то робость на миг снизошла на меня. Первая моя самостоятельная работа. Важный этап жизни и настоящий экзамен на человеческую и профессиональную зрелость. И обрывающаяся железная дорога выглядела символично. Все, проторенный путь кончился. Дальше неизвестность. Чаща, в которой придется нащупывать свой единственно верный путь.

Попутчик едва улыбнулся, понимая мое состояние. Мне вообще показалось, что он чертовски много понимал.

— Ну что ж, пора прощаться. Возьмите почитать. — Он протянул мне книжку.

Это было дореволюционное издание с ятями и прочими излишествами. На дешевой картонной обложке значилось: «Артур Конан Дойль. Приключения Шерлока Холмса».

— В связи с родом вашей деятельности сие творение будет не просто интересно, но и поучительно, — отрекомендовал книгу попутчик.

Знал чем порадовать. Распознал во мне за-

пойного книгочея, что, впрочем, неудивительно с учетом того, что под полкой среди моих вещей лежали две увесистые связки книг, а в дороге я читал только что вышедшее романтическое произведение Александра Грина «Бегущая по волнам» — там как раз про моря и путешествия.

— А как вернуть? — спросил я.

— О, думаю, проблем найти меня у вас не будет. Освоюсь — заглядывайте в гости. Вижу, вы юноша пытливый и начитанный. А у меня хорошая библиотека, и еще арабский кофе, прекрасный китайский чай.

Он протянул картонку, на которой было отпечатано типографским текстом «Ветвитский Сигизмунд Яковлевич, горный инженер». Это называется визитная карточка, такой старорежимный атрибут, раньше подобные были у всех почтенных персон.

— Всенепременно, — расшаркался я.

Поезд тряхнуло, и он замер. Горный инженер пожал мне на прощанье руку. Подхватил свой саквояж. И вышел, захлопнув за собой дверь — его ждал багаж в багажном вагоне, носильщики. Вряд ли такой человек потащит ношу в своих руках. Носильщики, извозчики — хорошая жизнь. А я сейчас выволоку на перрон тюки и стопки книг. И потащусь с грузом через всю платформу. Носильщики с извозчиками — это дорого и вообще признак буржуазности.

Тут в купе постучали. Дверь с лязгом и треском стремительно ушла вбок. И в проеме прохода возникла массивная фигура. Густой бас угрожающе произнес:

— Большаков?..

ГЛАВА 3

Лицо у незнакомца было разбойничье, сам здоров как бык, тон весьма напористый и опасный. Так что я невольно напрягся. Первая мысль была — ну вот и по мою душу пришли. Несмотря на молодые года, врагов я успел нажить немало. Особенно в последнее время, когда настажировался всласть в особой оперативной группе центрального аппарата ОГПУ. Многим мы хвост прищемили. Или местная контрреволюция решила новому оперативнику прописать пулю авансом?

— Ну я Большаков, — буркнул я, прикидывая варианты.

Незнакомец вытянулся по струнке:

— Штатный дежурный Богородцев. С окротадела мы. Начальство приказало вас встретить и проводить.

Я ощутил, что краснею и скоро будут походить на рака после выварки. Люди добрые, посмотрите на меня, пугливого дурака! Это ж надо такое себе напридумывать. Понятно, что из области отделеграфировали, каким поездом едет новый упол-

номоченный. Вот с окружного отдела и послали встретить.

Теперь я более миролюбиво осмотрел присланного за мной сотрудника. Рубаха-косоворотка, заправленные в сапоги серые брюки — и все равно сие партикулярное платье смотрелось на нем военной формой. Стоял он навтыжку, чувствовалась еще старорежимная солдатская школа, которую не вытравишь. И вместе с тем в глубине его глаз горела легкая насмешка по отношению к молодому, да раннему, который командовать будет. Но старый служака, не достигший чинов и званий, судя по всему, привык подчиняться молодым да ранним. Такова жизнь. И в такой системе отношений он чувствовал себя вполне комфортно, хотя сейчас уже времена давно другие, тянуться не обязательно, все вроде как равны.

— Александр, — протянул я руку.

И был вознагражден крепким рукопожатием.

— А мы Андрей Данилович будем. Давайте вещички, — сказал чекист.

Он подхватил здоровенный баул, куда поместились выходной костюм, военная форма. Я не привык, чтобы мои вещи кто-то таскал вместо меня, но отказываться не стал. Одному тяжело было бы, а так только подхватил две стопки книг.

Богородцев двигался легко, несмотря на свое массивное телосложение. Ловко спрыгнул со ступенек вагона на перрон вокзала.

Я последовал за ним. И чертыхнулся. Тоже мне, спортсмен-атлет. Приземлился на перрон неудачно, едва не навернувшись. И тут еще вдобавок в бок меня пребольно толкнули.

Выронив стопку книг, я отскочил. И увидел перед собой престранную личность. Невольно отступил на шаг, едва не навернувшись. Напрягся.

Передо мной стоял невысокий, жилистый, худой мужичонка. Его длинная красная рубаха была перепоясана бечевкой, жидкая борода топорщилась. В руках он сжимал деревянный ящик — судя по всему, подвизался перетаскать груз. Лицо его было перекошенное, а глаза какие-то безумные. И смотрел на меня он не со злостью и недовольством, а с видимым испугом. Под моим вопросительным взглядом он сжался, будто хотел провалиться сквозь землю. Губы его дрогнули, и из глаз неожиданно потекли слезы.

— О, Гордей, — воскликнул Богородцев. — Экий ты неловкий... Ну чего испугался? Это не военный. Это наш товарищ. ОГПУ. Надежа и опора советской власти. Понял?

Мужичонка закивал, уставился в землю и, не глядя больше на меня, засеменял вперед, легко таща перед собой ящик, кажется, довольно тяжелый. Приглядевшись к нему, я понял, что скорее это не мужичонка, а парень, и лет ему не так много, едва за двадцать. Просто гримаса на лице сильно старит.

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

— И кто это такой? — недоуменно поинтересовался я.

— Да наш местный юродивый. На вокзале трется, кому что поднести, чем помочь.

— А что я ему сделал плохого?

— Это он на военную форму ярится, — пояснил мой проводник. — Во время гражданской беляки его сильно обидели. Вот теперь и шарахается испуганно от всех френчей, шинелей и гимнастерок.

Пока было прохладно, но вскоре летнее солнце нагреет этот город, примется изнурять трудовой люд. Ну и ладно. Жара лучше, чем холод.

На покрытой брусчаткой круглой привокзальной площади толпился встречающий и прибывающий народ. Метались мальчишки, предлагая газеты, разную бытовую мелочь и папиросы. Выстроились в ряд извозчики и деревенские телеги. Ажиотаж был понятен. В этот медвежий угол пассажирские поезда приходят раз в два-три дня. Но железнодорожники не скучают. Из Углеградска уходят состав за составом, груженные углем. Конечно, до Донбасса и Кузбасса нынешние копи не дотягивали, и лучшие времена их были в прошлом, но все же в угольных запасах страны местное стратегическое сырье занимало достойное место.

К моему удовольствию, Богородцев направился не к извозчикам и телегам, а к длинному красному автомобилю с открытым верхом, на его радиаторе сияла синей эмалью пластинка с над-

писью Fiat. Сопровождающий обустроил аккуратно на заднем сиденье мои вещи и жестом пригласил меня в машину:

— Домчим с ветерком.

Богато живут. Давно меня в лимузине не катали. Хотя и очень старом, похоже, дореволюционным.

Богородцев подтвердил догадку:

— Раньше тут буржуи кучеряво жили. Сплошь французские да немецкие концессии были. Много чего от них осталось. В том числе моя пони.

Он ласково погладил рулевое колесо и со всей дури нажал на клаксон, так что лошадь рядом фыркнула и отпрянула.

А машина достаточно резво, хоть и с каким-то мистическим скрежетом, рванула вперед. И я ощутил истинное удовольствие. Все же в роскоши есть своя порочная притягательность. Мне казалось, что весь город, да что город — вся страна сейчас смотрит на меня, мчащегося в лимузине, и люди протягивают что-то уважительное: «О, это парень не промах, если его катают на таком авто».

Окротдел ОГПУ располагался в двухэтажном каменном здании с колоннами и античным портиком. Второй этаж занимал уголовный розыск, а первый — мы.

У входа рядом с лестницей стоял стол, за которым бдил боец в белой милицейской форме. Нас он пропустил без звука.

Потолки были высоченные. Лепнина, широкие коридоры, просторные помещения. Лестница металлическая, вычурная, с орнаментом. Как я понял, этот дом — остатки былой роскоши. Скорее всего, тут раньше жила семья купца первой гильдии или французский денежный мешок, который делал свои капиталы в России-матушке, привычно ненавидя и презирая ее.

Мы бросили мои пожитки в комнатенке в углу за лестницей.

— Начальство ждет, — с трепетом проговорил Богородцев.

Он проводил меня в самый конец широкого коридора со стоящими по обе стороны стульями. Постучался в дверь. Осторожно отворил ее и проинформировал:

— Прибыли!

Кабинет был просторный, с изразцовой печью, массивным сейфом на ножках и старинной мебелью. Хозяин этих апартаментов сидел за расшатанным письменным столом. Серый потертый пиджак теснился на его широких плечах. В падающем сбоку из узкого окошка свете сияла гладкая лысина. Он яростно черкал какую-то бумагу. Оторвавшись от своего занятия, откинулся на спинку заскрипевшего стула и поглядел на меня. И я даже отшатнулся. Начальник окружного отдела ОГПУ был весь в шрамах. Они рассекали его широкий лоб, квадратное лицо, жилистые руки. Застарелые шрамы, глубокие. Эх,

это через какую же картофелечистку его пропустили?

— Товарищ начальник отдела. Прибыл для представления на должность! — Я положил перед ним на стол красную книжицу.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ № 19477. Дано Большакову Александру Сергеевичу в том, что он состоит на службе в Углеградском окр. отделе ОГПУ в должности уполномоченного. Согласно п.6 Положения об ОГПУ сотрудники в своих правах и обязанностях, а также во всех других отношениях приравниваются к лицам, состоящим на военной службе с распространением всех льгот и преимуществ, установленных для РККА. Сотрудникам органов ОГПУ присваивается право ношения и хранения всякого оружия».

Мельком глянув на удостоверение, начальник отдела толкнул его обратно через стол и с недобрим прищуром принялся рассматривать нового сотрудника. Результат его не радовал. Он рассчитывал, что в свете последних трагических событий ему пришлют матерого волкодава, а перед ним стоит жизнерадостный щенок-переросток породы сенбернар. Ну а с кем еще сравнить рослого детинушку, выглядевшего не на свои двадцать два, а на каких-нибудь семнадцать-восемнадцать лет, всего квадратного, поперёк себя шире, с загребущими руками-лопатами, смешно оттопырен-

ными ушами и круглым лицом, на котором сияли честные и по-детски наивные карие глаза. Я прекрасно знал, что выгляжу как деревенский увалень, а вот теперь и начальник это знает. И на лице его скептическая гримаса, суть которой примерно в следующем: «на кузню в деревне тебе, мальчонка, подмастерьем, кувалдой по заготовкам шарашить». Впрочем, мне к таким скептическим взглядам не привыкать.

Молчание затягивалось, так что я счел нужным разбить эту театральную паузу. Ну а заодно подкатить к командиру — тут у меня практика заискивания и подольщения большая, все ж столько лет Красной армии отдано.

— Много наслышан о вас, товарищ начальник окротдела. Для меня честь под вашим началом постигать азы мастерства.

Я и правда был наслышан о нем. Кадровик в областном полпредстве ОГПУ с некоторой усмешкой выдавал предписание, сопровождая это словами: «Твой новый руководитель человек серьезный. Можно сказать, стальной. А местами просто чугунный — то есть не гнется и очень тяжелый. Но дело знает и заслуги имеет немалые».

— Значит, любишь к начальству подлизаться, — прохрипел низким голосом начальник, поднимаясь из-за стола и критически разглядывая меня с ног до головы. — Что ж, дело тоже нужное.

— Никак нет, товарищ начальник отдела. Люблю говорить правду.

— Хватит тянуться, — криво усмехнулся он. — И ты эти старорежимные замашки и выканья прекращай. У нас по-пролетарски — на ты. Я Максимилян Данилович. Или товарищ Раскатов. Ты по зеленым Сашок будешь. Усек диспозицию?

— Так точно, товарищ Раскатов!

Непривычно это для меня после армейской субординации, введшейся в мою суть за многие годы. Но в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Тем более когда настоятель монастыря такой вот — упрямый, в шрамах и со странностями. Почему-то мне показалось, что служба здесь — это дело тяжелое и правда чугунное, как сам начальник. Но я ее не выбирал, а она выбрала меня. Будем приспосабливаться. Не впервой.

— Ну что насупился, Сашок? — обойдя меня, так и тянувшегося по стойке смирно, спросил начальник. — Стрелять умеешь?

— Отличник боевой и политической. В пехотной военной школе только пятерками блистал, — отчеканил я, едва не добавив «пока с середины учебы в ваше ОГПУ, будь оно неладно, не призывали».

— Вот и посмотрим в деле, какой ты отличник! Получи винтовку в оружейке. «Нагана» маловато будет. И с рассветом на охоту.

— Большой зверь? — сразу подобрившись, осведомился я.

— Не меньше индийского слона. Едем банду атамана Шустова со света сживать...

ГЛАВА 4

Леса не надо бояться. С ним нужно дружить. Его нужно защищать и уважать. И тогда из врага он станет другом. Спасет, когда надо. Укроет. Подскажет. Это не мои слова — я не настолько умный. Это дядя Сева всегда так говорил. И, как всегда, старый разведчик-пластун был прав.

Умение слушать лес в лесу, себя в лесу и лес в себе мне вдалбливали с детства. Замечать все — где вспорхнули птицы или где их нет, а должны быть. Дуновение ветерка. Шелест листьев. Поступь и следы лесного зверя. Примятая трава и сломанная ветка. Любой диссонанс. Ощущать лес всем своим существом. Наука эта нелегкая, но учителя хорошие были. И умение слушать лес не раз спасало жизнь и мне, и тем, кто шел за мной. Именно благодаря этому мое тело в свое время не обглодали волки, а на плацу комдив лично перед строем вручил мне, совсем сопливному, но очень упрямому пацану, ценный подарок.

И сейчас мне не слишком нравилось, что мы относились к лесу как-то легкомысленно. Перли вперед лосями, так что только ветки трещали. Это моим спутникам казалось, что мы движемся бесшумно и аккуратно. У меня же все в груди переворачивалось.

Хотя, откровенно говоря, я и сам теперь не слишком блистал. Эх, прошли те времена, когда я, легкий, как тростиночка, мальчонка невесомо

скользил меж деревьев. Чем больше набираешь живой вес, тем меньше твой вес как разведчика. Разведчик должен шелестеть по кустам и траве, а не топтать носорогом, сотрясая землю.

В нашем сводном отряде собралось полтора десятка человек. Начальник окротдела ОГПУ, еще два наших сотрудника, не считая меня. Мы успели только представиться друг другу и обменяться рукопожатиями, больше я о них ничего не знал. Не познакомились толком, а уже идем вместе в бой. Но так все время бывает там, где эти бои идут.

Остальные в отряде были из милиции, уголовного розыска и взвода конвойной стражи. По замыслу, нашей вооруженной мощи вполне должно было хватить, чтобы окружить хутор Кулибино, где собрались граждане бандиты. Ожидалось, что мы найдем там самого Артема Белоштанного — это не кличка, а фамилия у него такая по метрике, и он самый близкий помощник атамана Шустова. С ним будет еще парочка лесных душегубов. Если информация правдива, то народу нам должно хватить с запасом. Тут еще от выучки бойцов много зависит, а пока, к сожалению, она меня, отличника боевой учебы РККА, не радовала.

Собирались мы на вылазку, как всегда, бестолково, с шумом, понуканиями и недопониманиями. Но так бывает всегда перед хорошим дельцем. Я получил в оружейке у штатного дежурного

Богородцева драгунский карабин Мосина — Нагана, а также две похожие на бутылки наступательные гранаты РГ-14, по-моему, еще времен Мировой войны. Когда я сгребал горстями патроны и рассовывал по карманам галифе, а также забивал в специальный кожаный подсумок гранаты, на меня смотрели искоса, как на дорвавшееся до игрушек малое дитяtko. Но ведь недаром говорится, что без винтовки, патронов и гранат не живет русский солдат.

Между тем Раскатов перед выходом распределял, кому что делать. Краем уха я слышал, как он в своей привычно грубой и зримой манере выговаривал своему заместителю:

— Тебе что винтовка, что коромысло, Гордеич. Остаешься на хозяйстве!

Этот самый заместитель носил комичную, на мой непритязательный взгляд, фамилию Первак — ну хоть не Первач, спасибо должен говорить и за это. Был он высок, статен, самую малость полноват и весьма смахивал на персонажа дореволюционного синематографа — встречались там такие герои-любовники, которым, в порыве страсти заламывая руки, падала в объятия Вера Холодная. Он единственный был при параде — то есть в военной форме, перетянутый портупеей, с положенными по должности тремя шпалами в малиновых петлицах, и выглядел истинным воином-защитником. Поэтому слова начальника отдела о его сомнительной боевой го-

товности резко диссонировали с мужественным обликом.

Я б взорвался фейерверком от такого пренебрежения своими боевыми достоинствами и разбился бы в лепешку, чтобы доказать обратное. Но по Перваку было видно, что воробей он стреляный, в бой не рвущийся, и оставаться на хозяйстве его устраивало гораздо больше, чем лезть под пули. Поэтому он только кивнул:

— Не волнуйся, Максимильян Данилович. Не подведу.

Впрочем, под пули лезть никто зазря не собирался. Раскатов утверждал, что знает этот хутор и подходы к нему как свои пять пальцев. А также хорошо знает нрав бандитов. Пока мы доберемся до цели, они там перепьются, уверенные в своей недостижимости для органов охраны завоеваний революции. И тогда можно брать их тепленькими.

Полдороги мы проехали на выдавшем виде грузовичке непонятной марки, принадлежащем отделу милиции. И вот теперь топаем между болот, ельников и березок. И с каждым шагом наш удалой настрой нравился мне все меньше.

Лезть с настырными советами к начальству я не собирался. Поскольку сам тут даже не без году неделя, а без суток час.

Банда Шустова была главной головной болью не только уезда, но и всей области. Сам Атаман был из тех неисправимых сволочей, кото-

рые твердо решили свою жизнь посвятить тому, чтобы испортить жизнь другим, в нашем случае — ненавистным ему советским людям. Бывший царский прапорщик гражданского призыва, отмеченный боевыми наградами еще за Мировую войну, он отчаянно воевал с советской властью и прославился удивительными даже для белой сволочи зверствами в отношении тех, кого он считал бунтующим быдлом и кого у нас принято называть народом. Где он только не отметился после Гражданской войны. И в Средней Азии побывал, с басмачами обнимался и ужас сеял среди мирных дехкан и представителей советской власти. И в Тамбовском восстании поучаствовал — жалко, наша дивизия его не повстречала, тогда волки давно бы его косточки обглодали. В позапрошлом году засветился в крестьянских волнениях в Поволжье и отметился там привычным кровавым следом. В общем, наш пострел везде поспел. А чуть больше года назад принесло его в эти края. И он уже успел снова прославиться жестокими убийствами. Взял кассу в Семиречном районе. Устраивал налеты на колхозы и сельсоветы. Запугивал людей. Вылезал на свет божий, кусал ядовитыми зубами и, как кикимора, скрывался в болотах и лесах.

Кстати, Углеградск Шустову вовсе не чужой. В Гражданскую войну наводил здесь шорох в составе казачьего карательного отряда, оставившего о себе страшную память.

Чего он хотел достичь сейчас? Для свержения большевиков сабель у него маловато. Тогда что? Хотя это неважно. Узнаем, когда поймаем.

В общем, противник у нас был серьезный. А шли мы расслабленно. О чем я все же высказался начальнику — мол, по науке нужно боевое охранение, проработанные сигналы оповещения и прочие премудрости. И вообще движемся слишком быстро.

— Не умничай, — отмахнулся Раскатов, положив ладонь на деревянную кобуру с «маузером». — По твоей военной науке за неделю не доползем. У нас все проще. Бросок, атака, результат!

Дорога петляла, сужаясь в тропинку, пропадая вообще и возникая вновь. Чаща становилась все гуще, кустарник все плотнее. А настроение — все тревожнее. И сжимал я карабин все крепче.

И как всегда в таких походах, долбила одна мысль — лишь бы не нарваться на противника не вовремя. Могли столкнуться лоб в лоб, тогда не вовремя будет для обеих сторон. Но самое страшное — это засада. Это уже крайне не вовремя, и именно для нашей стороны.

Сколько лесов и болот мною пройдено, в скольких засадах ждал врага, а сколько засад вскрыл. Тут просто навыков и опыта недостаточно. Тут чутье нужно. Вот и напрягал я его. И это чутье сигнализировало, что вылазка наша чреватая и дурацкая.

Совсем узкая тропа, почти исчезнувшая, вдруг стала расширяться и запетляла в сгустившемся лесу.

— Уф, — притормаживая, вытер вспотевший лоб Раскатов. — До цели рукой подать. Там рассредоточимся. Вперед!

Я кивнул. И тут как электрический ток меня ударил. Впереди будто пустота образовалась, всем нутром ее почувствовал. Такой разрыв в ровной лесной ткани.

В таких случаях я начинаю сначала действовать, а потом думать. Сколько раз проделано мной такое, вбито в печенки до стремительного автоматизма. Вскидываю карабин. Передергиваю затвор. Луплю куда-то в кусты — на кого бог пошлет. А потом отталкиваю плечом начальника, сшибая его с ног.

Оглушительно грохают в тишине леса почти одновременно два выстрела — мои и вражий. В густом кустарнике прямо по ходу кто-то начинает дико визжать. Я падаю на землю, окатываюсь в сторону и кричу:

— Засада! Ложись! По укрытиям!

Но это уже и так понятно всем. Кто пошустрее и поопытнее, те рассредоточиваются, прячутся за деревья и в складках местности. Другие катастрофически запаздывают. И их настигают пули.

В лежачем положении я достаю гранату. Привожу ее в боевое состояние. Приподнимаюсь. Ну что, вперед!

Пробегаю с десятков метров. Снова падаю, когда вокруг начинают свистеть пули. И бросаю гранату.

Потом опять стрельба. Но уже не такая азартная. И неожиданно все заканчивается. Обрушивается тишина. И только слышны стоны.

Враг ушел. Испугался. Он был намерен истребить нас, пользуясь внезапностью. Но не срослось. Им не повезло, что на их пути встал рыцарь без страха и упрека уполномоченный Большаков, в первый день вышедший на службу и сразу попавший как кур в ошип.

Пора подсчитывать потери и трофеи. К счастью, мы победили. У нас один с ранением средней тяжести и двое с легкими. Еще несколько царапин. Раскатова черкнуло по черепу, но лишний шрам его уже не испортит. Благо череп цел, только кожу рассекло. Это была та самая первая вражеская пуля, которая бы прибила его, если бы я не толкнул.

Нападавшие бежали, при этом позорно оставили своих товарищей, точнее, соучастников. Один валялся бездыханный, с пулей в груди. Это был тот, кого я подстрелил своим первым выстрелом. И еще одного раненого нашли в стороне, был он посечён осколками и именовался живым лишь с большой натяжкой. Два-ноль в нашу пользу. И обоих, получается, я приголубил. Самое время расправить плечи и начать гордиться собой. Но повод для гордости у меня был бы, если